

одно из самых ярких переживаний моей жизни».

Т. С. Мы вместе участвовали в постановке оперы К. Молчанова «Неизвестный солдат». Она пела Старуху. Едва она запела, все сразу стало ясно. Потом она пела Няню в «Онегине», я была в спектакле рядом с ней, часто мы пели вместе.

С. Б. В «Семене Котко» В. Борисенко пела Хиврю, ты — Фросю. Я помню, ты не пропустила ни одной репетиции Б. А. Покровского. Какое впечатление произвела тогда Вероника Ивановна?

Т. С. Здесь я ее увидела в полном блеске, хотя я как Фрося драматургически не общалась с Хиврей, но бывала действительно на всех репетициях, не уставала восхищаться Борисенко: сочная, колоритная. Смеется — так смеется, ругается — так ругается! По-украински, как ей и полагалось по роли! Все это незабываемо... С Алексеем Филипповичем Кривченей они очень подходили друг другу — и поколение одно, и закалка, и по голосам они сливались, и по актерским краскам — из одной палитры, оба из той эпохи, о которой повесть Валентина Катаева.

Конечно, мечтала я услышать Веронику Ивановну и в другом репертуаре, но, к сожалению, опоздала. А записей у нее не так уж и много.

С. Б. «Кармен» все же В. Борисенко записала.

Т. С. Эта пластинка у меня, конечно, есть. Первое, что я сделала, как только появилась возможность, купила «Кармен». Сейчас, читая материалы о Веронике Ивановне, я узнала, что у нее довольно обширный камерный репертуар, были программы из произведений Рахманинова, Чайковского, Метнера, в общем — довольно разнообразный репертуар. Сам по себе он уже говорит за то, что это — вокалист с широким музыкальным кругозором. Просматривая эти лежащие перед нами материалы, я увидела Веронику Ивановну Борисенко немного с другой стороны, и для меня это было приятной неожиданностью. Дело в том, что мы воспринимаем людей такими, какими видим их, и лишь, если очень заинтересуемся, заглядываем в их прошлое. Какой-то кусочек жизни Вероники Ивановны я застала в театре и очень счастлива, что ее слышала, пела с ней в спектаклях, видела на репетициях.

И еще одно воспоминание о Веронике Ивановне. Однажды по радио меня привлек яркий, лучший голос. Думаю, ну кто же так поет «Москва моя, страна моя»... «Песню о Москве» она прекрасно исполняла, и когда мне на радио предложили для обновления Антологии советской песни записать ее, я вспомнила В. И. Борисенко, и мне даже было как-то неловко: как можно предлагать записывать песню, напетую Вероникой Борисенко?..

С. Б. Я знаю Веронику Ивановну как человека очень общительного, контактного. Как складывались ваши отношения вне сцены? Ведь не случайно же ты сразу согласилась на предложение редакции поздравить Веронику Ивановну через газету?..

Т. С. Передо мной был жизнерадостный, доброжелательный человек, человек из тех, кто дает людям, а не берет у них. Вот это для меня самое приятное в ней. С ней не тяжело находиться в одной комнате, а есть люди, к которым я вхожу, и мне неуютно, я хочу выйти, даже не знаю почему — ничего плохого они мне не сделали, но мне тяжело... Не знаю, как это называется — аурой, биополем, микроклиматом, но это — правда.

С. Б. В театре ее называют

«Вероника» не только потому, что так привычно называть артистов между собой...

Т. С. Ей исполнилось семьдесят лет, а я прочтала памятный адрес от оперной труппы и вижу: Ф. Ш. Мансуров, воспитанный интеллигентный человек, кста-ти, моложе ее, он называет ее Верочкой... Это о чем-то говорит, правильно? Потому что так просто к человеку в ее возрасте не обратишься, даже если он и мил, и хорош, и обаятелен. А вот она располагает к себе, она все время молодая, она сохранила это и в голосе, и я думаю, что если бы ее сейчас пригласили в театр, голос у нее звучал бы так же — это, конечно, природа, — богатейшая природа, которая ей не изменила. Значит, и она природе не изменила.

С. Б. Тамара, ты говоришь о Веронике Ивановне и каждый раз, произнося ее имя, улыбаешься...

Т. С. Да. У меня есть определенный образ. Я даже не знаю, как она сейчас выглядит, я просто вижу, даже не закрывая глаз, что-то такое кругленькое, хлопотливое, доброе, веселое, с лучистыми глазами. Она приходила на репетиции всегда с распетым голосом и говорила: «Девочки, вы пришли...». Мне кажется, она получала удовольствие от пения.

С. Б. Думаю, что рядом с ней на сцене было уютно...

Т. С. О, да! Я не помню какого-то неудобства в «Онегине» или «Семене Котко». Суетилась добрая, толстая Няня или Хивря — они жили на сцене. У меня было впечатление, что она, как и Кривченя, ничего не играла. Выходили и ставили все на свое место: взглядом, жестом или просто поворотом головы. Когда они появлялись на сцене, это было событие. От них глаз нельзя было оторвать. Можно быть не подготовленным к восприятию оперного искусства, но если видишь на сцене живого человека, с глазами, за которыми — мысль, чувство, глаз от него не оторвешь. Вот такая была на сцене Вероника Ивановна Борисенко.

С. Б. Ты сказала: «Если бы ее сейчас пригласили...». А если бы действительно пригласили сегодня в театр Веронику Ивановну — ну, допустим, даже не для того, чтобы спеть спектакль, а просто в гости, поговорить за чашкой чая...

Т. С. Я — за! Но неужели наши молодые артисты не находят в себе ни крупины чувства, которое указало бы им на их истоки, помогло осознать свои корни, себя? Войди в любой дом, и ты увидишь на стене фотографии родителей, дедов. А что у нас? Помнишь, еще совсем недавно, кажется, год назад, в оперной канцелярии висели портреты солистов Большого театра в ролях — И. С. Козловского, А. С. Пирогова, П. Г. Лисициана, Е. В. Шумской... Где они? Кто и почему их снял? Не могу простить, что в театре сегодня никто не вспоминает фамилию Огневцева, а прошло так мало времени с тех пор, как его не стало... Никто не вспоминает Алексея Петровича Иванова, Сергея Яковлевича Лемешёва вспоминают только в связи с юбилеями. Не вспоминают Ивана Ивановича Петрова, Веру Александровну Давыдову, а они здесь, рядом, эти живые легенды, их не зовут в театр, не нуждаются в их помощи, совете. Как же это могло случиться? Ведь всех нас ждет то же самое, и я это говорю не к тому, что — ах, мы волнуемся, что нас забудут, нет...

С. Б. То, о чем ты говоришь, действительно ужасно. Но, может быть, в чем-то виноваты и вы, нынешние мастера?.. Не сводится ли ваша работа о будущем Большого театра только к преподавательской работе? Я имею

в виду тех, кто преподает. Но ведь и преподают не все. Ты сама знаешь, как много может дать молодому артисту личное общение со старшими, большими мастерами. На моих глазах судьба подарила тебе яркие творческие встречи с мастерами, знаю, как внимательны и добры были к тебе В. Э. Хайкин и С. Я. Лемешев, Б. А. Покровский и И. М. Туманов, Е. П. Гердт и М. Т. Семенова, Ирина Константиновна...

Т. С. Помню, когда я пришла в театр совсем молоденькой девочкой, нас всех, молодежь, собрала Мария Петровна Максаква и очень просто, как-то по-домашнему раскрывала великие секреты актерского мастерства, которые складываются из мелочей. В этом проявлялась забота старшего поколения. Я это застала и с этим живу. Потом мы еще раз встречались с М. П. Максаквой после моего самого первого сольного концерта, на котором она присутствовала, пригласила к себе и говорила не только о своих впечатлениях, но и высказала ряд пожеланий и замечаний, которые стали для меня в определенном смысле хорошей школой. Я этого никогда не забуду. И еще одна встреча — замечательным педагогом балета, умницей, очень обаятельной Елизаветой Павловной Гердт, которая к этому времени тоже уже была в более чем почтенном возрасте. Она заставила меня посмотреть на себя в зеркало, увидеть, как я выхожу на сцену, и показала, как должна кланяться артистка, отвечая на аплодисменты, как она должна уходить со сцены, не поворачиваясь спиной к зрителям, и так далее, и так далее — много таких маленьких секретов, которыми владели раньше артисты Большого театра. Ты же помнишь, как на отдыхе в «Серебряном бору» дала мне Елизавета Павловна эти бесценные уроки?

С. Б. Ты думаешь, у Вероники Ивановны есть такие секреты, которыми она могла бы поделиться?

Т. С. Думаю, есть. Но ее-то никто не спрашивает, вот что обидно.

С. Б. Я возвращаюсь к своему предложению — может быть, все-таки сделать такую встречу в Круглом зале — пригласить не только Веронику Ивановну, но и И. И. Петрова, Л. И. Масленникову, П. Г. Лисициана, И. И. Масленникову, И. К. Архипову, попытаться их «разговорить»...

Т. С. Вопрос в том, хочет ли этого молодежь... Я, когда слушаю рассказы людей старшего поколения, думаю, что, может быть, мудрыми они стали с годами, когда посмотрели на свою жизнь и творчество сквозь призму времени... И это всегда очень интересно. Меня пугает, что у молодежи нет потребности в таких встречах.

С. Б. Как говорил Пушкин, ленивы и нелюбопытны?

Т. С. Да нет, просто, мне кажется, у них другие интересы и задачи — много волнений вокруг проблемы: «я» — в театре, «я» — в искусстве. Тем хуже для тех, кто себя так «обкрадывает».

Вот, кажется, мы и помечтали о том хорошем, что можно было бы сделать в Большом театре. И эти мысли возникли в ходе нашей беседы о Веронике Ивановне, что тоже не случайно.

Мне хочется от всего сердца поздравить Веронику Ивановну, и, может быть, мои коллеги всех поколений, которые через эту статью познакомились с ней, присоединятся ко мне и пожелают ей всего доброго, и самое главное — здоровья. И кто знает? — до новых встреч.

Дорогая Вероника Ивановна! Спасибо Вам за то, что Вы есть. Будьте здоровы, счастливы и благополучны. Ваша Тамара Синявская.